

Наталья
Крупенина

Сложное Время

Наталия Крупенина

Сломанное время

«Розовый жираф»

2022

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крупенина Н.

Сломанное время / Н. Крупенина — «Розовый жираф», 2022

ISBN 978-5-4370-0378-7

Тёмин папа – путешественник во времени, мама – разбойница, сёстры-близнецы – супергерой и звезда. Такая, понимаете, обыкновенная семья. Но однажды в Городе, где они живут, случились совершенно необыкновенные события. Одна из Машин вселенной, от работы которых зависит вся жизнь на Земле, сломалась. Взрослые отправились исправлять ситуацию – но не очень успешно. А что остаётся делать детям, оказавшимся без взрослых? Разумеется, спасти мир самим. Фантастическая повесть Наталии Крупениной рассказывает о настоящей жизни детей и подростков больше, чем документальное кино. Правда отношений с родителями, учителями, одноклассниками проступает здесь с редкой прямоотой, сочетаясь с увлекательным и актуальным сюжетом.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-4370-0378-7

© Крупенина Н., 2022
© Розовый жираф, 2022

Содержание

Глава 1, в которой в школе проходит урок социальных знаний, а дома пекут сливовый пирог	6
Глава 2, в которой по очереди случаются олимпиада по математике и большая неприятность	13
Глава 3, в которой туман на пару минут сдвигается, и за ним можно разглядеть Машину перевода часов	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Наталья Крупенина

Сломанное время

© Н. Крупенина, текст, 2022

© А. Евдокимова, иллюстрации, 2022

© ООО «Издательство «Розовый жираф», издание на русском языке, 2023

* * *

Глава 1, в которой в школе проходит урок социальных знаний, а дома пекут сливовый пирог
Четверг, 24 октября, 12°C, временами дождь

– Запишите тему сегодняшнего урока, – сказала Ирида Армагеддоновна. – Тема сегодняшнего урока: моя самая обыкновенная семья. Самая обыкновенная, да. Семья. Что же это значит? Мы знаем, что все наши семьи совершенно особенные, совершенно уникальные и ни на кого не похожие. И в то же время они все являются частью нашего большого общества, которое принимает их всех одинаково, в равной мере. Абсолютно все, самые разные формы семейного устройства. И это, ребята, потрясающее достижение нашего социума, то есть – всех нас.

За окном шёл дождь, похолодало. В классе горел свет, и от этого возникало ложное ощущение уюта.

– Я просила подготовиться к уроку, – продолжала Ирида Армагеддоновна, – так что сейчас вы все, по очереди, расскажете нам о своих семьях и о себе, по схеме. Помните схему? Для каждого члена семьи – кто он, то есть его вид, что вы любите делать, какая у вас семейная традиция. Давай, Миша, начинай.

Миша Петров вышел к доске и уверенно начал:

– У меня самая обыкновенная семья. Мой папа – адвокат, моя мама – красавица, моя старшая сестра – принцесса, а я – всадник. Ещё у нас есть бабушка, она качалка. Мы любим все вместе играть в настольные игры. Наша семейная традиция – вечером в пятницу смотреть хорошие фильмы.

– Спасибо, Миша. Теперь Стефан.

Стефан тоже вышел к доске, поправил очки, пошмыгал носом и затынул:

– У меня самая обыкновенная семья. Мой папа – лев, моя мама – мастерица, мой старший брат Костя – трансформатор, моя младшая сестра Кристина – красавица, я – тоже всадник. Сейчас Костя уехал учиться в Лондон, но всегда приезжает на каникулы. Наша семейная традиция – в выходные гулять по парку.

– Отлично, Стефан, – похвалила Ирида Армагеддоновна. – Николь.

Николь Полушкина вышла к доске и тоскливо посмотрела в окно. Её крылышки печально опустились.

– У меня самая обыкновенная семья, – тихо сказала Николь. – Моя мама – вездеход, а папа – сакура. Я – фея. Папа живёт отдельно, но мы с мамой часто приезжаем к нему в гости. Выходные я провожу по очереди: то у папы, то у мамы. Мы всегда весело проводим время, – уныло подытожила Николь.

– Сакура? – удивлённо переспросила Алиса.

– А что такого? – веско сказала Ирида Армагеддоновна. – Тебя что-то смущает, Алиса? Может быть, ты не знаешь, какую пользу приносят сакуры? Спасибо, Николь, садись. Давай теперь ты и рассказывай, Алиса.

Алиса рассказала, что её родители по виду – стремянка и мышка, а братьев и сестёр нет. У Оли папа – водитель автобуса, мама – юрист, сестра – булочка, а сама Оля – программистка. У Дилана папа – водитель троллейбуса, мама – красавица, а вот у Марфы папа – блогер, а мама – лошадь.

Наступила Тёмина очередь. Он встал и поплёлся к доске.

– Давай, Лаптев, рассказывай, – сказала Ирида Армагеддоновна. – Только без этих твоих штучек, пожалуйста!

– У меня самая обыкновенная семья, – пробубнил Тёма. – Мой папа – путешественник во времени, моя мама – разбойница. У меня есть две младшие сестры, близнецы. Таня – супергерой, а Нина звезда. А я – злой кабык.

Тут Тёма сделал паузу, ожидая дурацких вопросов.

– А что такое злой кабык? – немедленно спросила Оля.

Хотя Тёма и ждал, но всё равно разозлился.

– Не что, а кто, – сказал он. – Это я. И ты это прекрасно знаешь.

– А ты всегда злой или иногда бываешь добрый?

Папа постоянно повторял, что главное – это спокойствие. Спокойствие – это основное (и часто единственное) оружие человека, когда он находится в школе. Со спокойствием у Тёмы были проблемы. Он закатил глаза.

– Вообще злой, – ответил он раздражённо. – Но иногда бываю добрый.

– А вот у меня такой вопрос, Ирида Армагеддоновна, – сказал Миша. – Как же так получается? Вот кто-то всадник или адвокат, а кто-то – кабык, и к тому же злой, или сакура. И при этом все самые обычные?

Ирида Армагеддоновна как раз ждала такого хорошего вопроса и очень обрадовалась.

– Не обычные, Миша, – начала она с энтузиазмом, – не обычные. А обыкновенные. Это значит, что мы все разные, но какими бы мы ни были, мы всегда понимаем и принимаем друг друга. Ну-ка, ребята, повторите.

– Понима-а-а-ем и принима-а-а-ем друг друга, – протянул пятый класс.

– И вот в этом и есть суть нашего общества, нашего союза! Мы все разные, со своим характером, видом, особенностями, кто-то всадник, кто-то сакура, но мы все уважаем друг друга, личности друг друга. Понятно? Всем понятно? Ладно, Тёма, садись, спасибо.

Тёма плюхнулся на своё место и стал смотреть на капли с внешней стороны окна. Некоторые скатывались сразу, а другие почему-то застревали. Боковым зрением, чуть расплывчато, как и положено боковому зрению, Тёма видел, как Ирида Армагеддоновна открывает и закрывает рот, но никаких слов слышно не было.

Школа «Юнова» занимала три этажа обычного нешкольного здания. На первом этаже располагались гардероб, кафе, которое, строго говоря, не имело отношения к школе, но по совместительству работало школьной столовой, и отделение банка, уж точно не принадлежавшее школе. Между кафе и банком находился круглый холл с огромной лестницей – тёмное дерево, резные перила. В окнах холла светились цветные стёкла, которые плохо сочетались с современной раздвижной дверью. Зато лестница всегда была наполнена разноцветными солнечными зайчиками. Дальше посетитель, поднимаясь вверх по лестнице, мог сразу ознакомиться с творчеством учеников школы «Юнова»: на стенах в большом количестве висели рисунки и бумажные композиции.

Эта лестница – такая деревянная, с цветными пятнами света и детскими рисунками – очень нравилась Тёминой маме. Тёма подозревал, что создатели школы, Александр Бронепоездович и Ромашка Бегемотовна, специально задумали тут ловушку. Лестница производила на родителей самое благоприятное впечатление – в ней были и творчество, и основательность, и уют, и наверняка ещё какие-нибудь качества, которые хотят увидеть родители, когда выбирают школу для своих детей. После этой лестницы родители воспринимали всё дальнейшее не так критически, как могли бы. И как, с Тёминой точки зрения, стоило.

На втором этаже находились кабинеты администрации, компьютерный класс, большой общий холл со столом вахтёрши, комната подготовительного класса и их отдельный физкультурный зал, на третьем и четвёртом – большинство обычных учебных кабинетов. Лестница шла дальше и заканчивалась башней, от которой никому не было никакого толка, потому что она всегда была заперта.

К пятому классу Тёма заметил и сформулировал путь развития учеников школы «Юнова». Первоклассники, и тем более подготовишки, башней не интересовались. Как будто её вообще не было. Во втором классе интерес появлялся и весь год постепенно рос. Второклассники всё больше говорили о башне и всё выше поднимались по лестнице, и потом, наконец, каким-то способом пытались туда попасть.

Заканчивалось всё всегда одинаково: грандиозным скандалом. Ромашка Бегемотовна – преподаватель математики, завуч школы и заслуженная гаубица – страшно ругалась, тратя на это не только классный час, но и обычный урок математики. Всем детям надо было написать объяснительные. Чьих-нибудь родителей вызывали в школу – обычно тех, кто и так вёл себя не очень хорошо. Сам Тёма всё это пропустил, потому что перешёл в школу «Юнова» только в самом конце второго класса. Скандал их года к тому моменту уже совершился, и только

вдалеке сверкали молнии. Иначе – и Тёма ни минуты в этом не сомневался – именно он оказался бы главным злодеем.

За третий, четвёртый и самое начало пятого класса он и так написал этих объяснительных штук сорок, не меньше. Точно он не знал, потому что бросил считать вскоре после десятой.

Объяснительная – это такая штука. Если какой-то ученик школы «Юнова» сделал что-нибудь неправильно, например подрался с другим учеником или поспорил с учителем, ему нужно было написать про это на отдельной бумажке – что случилось и почему и что именно было неправильно. Считалось, что в этом бездна пользы. Ученик таким образом учится осознавать свои поступки и выражать мысли, а заодно – тренирует почерк и правописание.

В целом, школьное здание Тёме совсем не нравилось. Он бы предпочёл учиться в большой школе, где у учеников есть шкафчики, а на физкультуру не нужно ехать в другое место. И, возможно, там оказался бы кто-то, больше похожий на него самого. Пусть и не злой кабык, но хоть кто-то отличающийся от остальных. Потому что сейчас в Тёмином классе почти все были или всадники, или программисты, или красавицы, или феи. И что бы там ни говорила Ирида Армагеддоновна про принятие, на всех остальных они смотрят с презрением.

Тёма думал обо всём этом, пока ехал домой в медленном трамвае – мимо других домов с башнями, ограды парка, центрального вокзала, людей с плакатами против перевода часов, реки. Очень просто принимать и понимать людей, пока они ничем не выделяются. А если ты отличаешься от других, то тебе всегда, всегда будут это показывать. Потому что, на самом деле, не все люди такие уж обыкновенные.

Дома была только мама. Она, как обычно, сидела и работала. Прерываться ей не хотелось, так что она попросила Тёму пообедать самому, суп на плите.

– Мам, а чем ты вообще занимаешься на работе? – внезапно спросил Тёма.

– Ты же знаешь, – удивилась мама. – Я же тебе столько раз рассказывала.

– Я забыл, – сказал Тёма, но сразу испугался, что мама скажет, что зачем тогда ему рассказывать, раз он всё забывает, и добавил: – В смысле, тут же негде разбойничать.

– Да, – вздохнула мама, – негде. Поэтому я и работаю теперь удалённо. Из дома. Как твои дела? Что в школе? Всё в порядке?

– В порядке, в порядке, – сказал Тёма. – Сегодня не было объяснительных и всякого такого.

Обычно Тёма любил обедать долго. Но в этот раз Тани и Нины не было дома, мама работала, читать не хотелось. Тёма сам не заметил, как погрузился в неприятные мысли. Обычно он их избегал и специально старался думать о чём-то хорошем, например, про игры – это всегда интересно и совершенно безопасно. Но тут что-то разладилось.

Неприятные мысли всегда развивались по одному и тому же сценарию. Сначала Тёма думал, что так ни с кем по-настоящему и не подружился. Потом – что в большом городе жить всё-таки лучше. Там помещается много людей, и все действительно разные, так что подружиться с кем-нибудь проще. Потом – что зря вообще они сюда переехали, жили бы как раньше.

Тёма сидел над тарелкой супа и всё мрачнел. Ему стало ужасно себя жалко. Он даже подумал на минуту, что, может, лучше бы папа у него был всадник, а мама – красавица, и дома у них были бы телевизор и машина, потому что иначе можно жить только в очень большом городе – где все ездят на метро и ничему не удивляются, потому что и не такое видали. От этой мысли ему стало совсем плохо, так что он даже потряс головой, чтобы переключиться.

К счастью, оказалось, что на кухню пришла мама и что-то ему говорит. Тёма с усилием выплыл из своей мрачности и услышал:

– ...попробовать какой-нибудь другой.

– Какой? – спросил Тёма наугад.

– Ну не яблочный.

Видимо, речь о пирогах, решил Тёма. Мама обычно оперировала одним пирогом – яблочным. Это пошло с того года несколько лет назад, когда уродилось огромное количество яблок. Тёмина семья тогда ещё не переехала. Своей дачи у них не было, но яблок всё равно было хоть засыпья. Бабушка с дедушкой привезли два огромных мешка, папин друг пришёл в гости и как бы невзначай прихватил с собой большую коробку с яблоками, и мама как-то пришла с работы с пакетом яблок и сказала, что вот коллега принесла, надо же их куда-то девать. Мама клала яблоки в кашу и в мясо, растирала тогда ещё совсем маленьким Тане и Нине в пюре и варила компот, делала варенье и почти каждый день пекла пирог. С тех пор такого безумия не было, но яблочные пироги как-то прижились.

Тёма сказал:

– Давай, конечно. Хотя яблочный тоже очень вкусно. Давай, может, сливовый?

– Хм, – сказала мама. – Можно. Точно можно, я, помню, читала какой-то рецепт прошлым летом... Там нужно было расплавить на сковороде сахар с маслом и в нём немного пожарить половинки слив. Потом выложить эти сливы с сахаром в форму, а сверху положить тесто, – продолжала она с нарастающим воодушевлением. – И вроде там ещё нужна пачка творога – ну, помимо того, что обычно кладут в тесто. И когда всё будет готово, нужно перевернуть форму так, чтобы тесто оказалось внизу, а сливы – наверху. Это называется «перевернутый пирог».

– Ничего себе, – сказал Тёма. – Ты только без меня не пеки, я тебе буду помогать.

Когда Тёма вернулся домой с дзюдо, Таня и Нина были уже дома, а папа ещё не пришёл. Нина сидела под столом и рисовала лаком для ногтей картинку с цветами, похожими на сердечки.

– Смотри, – сказала она, – правда, красиво? Вот эту я подарю Афродите Витальевне, а вот эту – Николасу.

– А маме? – спросил Тёма. – И нам с Таней?

– Ну вам, конечно, тоже нарисую, – серьёзно сказала Нина.

Таня напрыгнула на Тёму сзади и предложила дуэль. На деревянных тростях, до трёх поражений. Таня крайне редко передвигалась, как обычные люди. Чаще она прибегала и напрыгивала.

Тёма, конечно, подрался с Таней на деревянных тростях. До двенадцати поражений, потому что трёх явно не хватило. Потом был ужин, а время всё шло. Тёма понял, что мама сейчас перенесёт пирог на завтра, а то скоро девять и всем пора спать. Поэтому он решительно отнёс свою тарелку в посудомоечную машину и сказал:

– Давай печь пирог.

Мама посмотрела на часы, и Тёма понял, что угадал, – ещё немного, и пирог действительно переехал бы на завтра. Но благодаря ему всё обошлось.

– Кто будет выковыривать косточки из слив? – спросила мама.

– Я-а-а-а-а! – сразу закричала Нина.

А Тёма и Таня благоразумно молчали, потому что оба хотели делать тесто. Договорились, что Таня взобьёт масло с сахаром, а Тёма сделает всё остальное, и он очень удачно забрызгал полкухни тестом, а Таня быстренько всё вытерла, пока мама не увидела. Мама держала горячую сковородку. Нина, отойдя как можно дальше, двумя пальчиками бросала туда половинки слив.

Настал момент перекладывать сливы и сахар в форму для пирога, но формы почему-то не оказалось.

– Странно, – сказала мама, открывая и закрывая ящики. – Куда она могла деться?

– А давай вот эту, мам! – Таня предлагала сковородку.

– Нет, эту! – Тёма выбрал самый большой противень.

Нина же настаивала на форме для кекса в виде подсолнуха.

– Нет, так у нас ничего не получится, – сказала мама.

Но тут с работы пришёл папа. Папа работал в Институте времени старшим путешественником и домой с работы приходил, во-первых, неожиданно, во-вторых, в самый нужный момент.

– А, – сказал папа, – так она, наверно, под ванной.

На прошлой неделе сломался душ, и стало течь под ванну. Мама и папа подставили форму для пирога – потому что тазика не было, а ведро не влезало. Потом пришёл мастер, перекрыл воду, мама помыла форму и убрала на место. Но вечером папа подумал, что мало ли что, и снова поставил форму под ванну. И никому об этом не сказал. Поэтому после того, как снова пришёл мастер, всё окончательно починил и привинтил декоративную панель обратно к ванне, форма осталась под ней на веки вечные.

То есть, чтобы испечь пирог поздно вечером, нужно достать форму. Чтобы достать форму, нужно отвинтить панель. Чтобы отвинтить панель, нужно найти отвёртку. А отвёртку брала Таня, когда в последний раз спасала мир.

– Это как в сказке, – шёпотом объяснил Тёма Нине. – Знаешь такие сказки? Побежал он к реке и просил: река, дай мне воды. А она ему сказала: дай мне масла.

– А зачем ей масло? – тоже шёпотом спросила Нина.

– Ничего страшного, – сказал папа, – сейчас я сгоняю на несколько дней назад, когда стенка ещё не была привинчена, и достану. Это когда было? В понедельник?

– Ты же не можешь в личных целях, – напомнила мама.

Но тут Таня нашла отвёртку. Папа отвинтил панель, достал форму, помыл и дал маме. Мама посмотрела на неё недоверчиво.

– А ничего? – спросила мама. – Она неделю простояла под ванной. Может, там того? Кто-нибудь завёлся?

– Да ничего, – сказал папа, – всё хорошо.

И мама намазала форму маслом, положила туда сливы, вылила сверху тесто и поставила всё в духовку.

Глава 2, в которой по очереди случаются олимпиада по математике и большая неприятность *Пятница, 25 октября, 13 °С, туман, временами дождь*

– Берите бланки! – провозгласила Ромашка Бегемотовна, преподаватель математики, завуч школы и заслуженная гаубица.

В пятницу, начиная со второго урока, половина пятого класса должна была писать олимпиаду.

– Так! – сказала Ромашка Бегемотовна. – Все взяли? Ну-ка! Садитесь! Все сосредоточились! Все дела оставляем за дверью, у нас – олимпиада. Понятно?

У Ромашки Бегемотовны, преподавателя математики, завуча школы и заслуженной гаубицы, был такой голос, что маленькие дети, которые ещё не ходили в школу и случайно оказывались в зоне его действия, думали, что Ромашка Бегемотовна кричит. Некоторые даже начинали плакать. Тёма и сам раньше думал, что она всё время кричит, – пока не повзрослел достаточно и не понял, что это просто у неё такой специальный голос. Школьный. Он рассказал об этом маме, и она спросила:

– Ты думаешь, дома у неё другой голос?

Но нет, Тёма так не думал. Возможно, когда-то раньше у Ромашки Бегемотовны и был какой-то другой голос, и менее выпученные глаза, и умение слушать собеседника, но всё это

унесло неопределённое количество лет педагогического стажа, которое Ромашка Бегемотовна упоминала по несколько раз на дню – каждый раз разное.

– Лаптев! – сказала Ромашка Бегемотовна своим специальным школьным голосом, от которого листья падают с деревьев, а птицы замирают на лету.

Тёма посмотрел в окно, чтобы проверить. Там действительно падали листья, но не обязательно они делали это от голоса Ромашки Бегемотовны. В конце концов, была осень. Возможно, на улице дул ветер. Что до птиц, то их не было видно.

– Лаптев! Я с кем разговариваю! – загремело уже над самым Тёминым ухом. Он отвернулся от окна и сразу столкнулся с яростным взглядом Ромашки Бегемотовны. – Нет, вы подумайте! – продолжала она. – Опять он ворон считает! У нас олимпиада, а он ворон считает! Вот, Лаптев, из-за твоей невнимательности у тебя и результаты ниже! Ну и что, что кабык! Если кабык, так надо ещё больше стараться. И на групповой этап ты не поедешь! И ещё отвлекаешься! Поэтому у тебя и не получается!

– Тогда я и не буду ничего писать, – пробормотал Тёма. – Раз всё равно не получается. Только время терять.

– Так, – продолжала Ромашка Бегемотовна, на время оставив Тёму в покое. – У вас есть бланки. У каждого из вас есть бланки. Видите их? И чистые листы бумаги. Вы можете решать задачи на обычной бумаге, а потом ответ и рассуждение писать на бланке. Если нужно рассуждение. Сначала аккуратно напишите свои имя и фамилию. Аккуратно! Вот тут в клеточках! Лаптев! Ты почему опять не пишешь, горе моё?

Тёма промолчал. Ромашка Бегемотовна убедилась, что все пишут имена и фамилии, и подошла к нему.

– Тёма! Это что ещё за дела?

– А чего мне писать, если всё равно ничего не получится? – закричал Тёма. У него опять возникли проблемы со спокойствием. Он чувствовал, что вот-вот заплачет.

– Тёма! Ты что обещал? Ну хоть раз попробуй нормально себя вести! Ну-ка сядь и пиши свою фамилию! Так, – это она повернулась ко всем остальным. – Давайте потихоньку, внимательно, с первой задачи. Если есть какие-то вопросы – просто поднимите руку, я подойду. Очень внимательно. Николь, ты не забудь проверить. Макар, читай задания по два раза.

Потом Ромашка Бегемотовна снова повернулась к Тёме и заговорила чуть тише, насколько это было для неё возможно:

– Тёма, ну успокойся, ну. Вот, смотри сюда. Пиши тут буквы. По одной в каждую клеточку. Давай, Тёма!

Тёма нехотя написал свою фамилию. Полностью в клеточку не попала ни одна буква, но это его скорее обрадовало. Пусть они лучше ничего не поймут. Первая задача показалась ему совсем простой, и к тому же там тоже было про Тёму. В задаче Тёма был в три раза старше Ани, а Аня на восемь лет младше Тёмы. Тёма прикинул, сколько им лет, и постепенно увлёкся.

Потом шли задачи про пирожки, троллей и персонажей «Алисы в Стране чудес», у которых оказались ещё более серьёзные проблемы со временем, чем можно было бы подумать. В этой задаче часы Болванщика спешили на 15 минут в час, а часы Мартовского Зайца отставали на 10 минут в час. Однажды они поставили свои часы по Сониным, которые вообще остановились и теперь всегда показывали двенадцать, и договорились встретиться в пять. Сколько времени Болванщик будет ждать Зайца, спрашивалось в задачке.

В некоторых задачах нужно было написать на бланке только ответ, а в других – подробные объяснения. Объяснения у Тёмы не помещались в прочерченных строчках, он вылез на поля, потом продолжил дальше вниз и в итоге написал их кругом по всему листу, вокруг заданий. Пока писал, почти успокоился, но когда время кончилось, снова разозлился.

Дальнейшие события Тёме пришлось столько раз описывать – Александру Бронепоезовичу, маме, Александру Бронепоезовичу и маме, маме и папе, – что ему стало казаться, что это было не на самом деле, а в какой-то книге. И он просто когда-то её читал.

Тёма взял свои листки и понёс сдавать Ромашке Бегемотовне. Она сидела за учительским столом, и Тёма собирался небрежно уронить олимпиаду ей на стол, развернуться и уйти. И как раз в этот момент кто-то открыл дверь. Моментально возник сквозняк, и Тёмины листки полетели прямо в лицо Ромашки Бегемотовны.

Что там было потом, он действительно не запомнил. Только удивленное застывшее лицо Ромашки Бегемотовны с выпученными глазами. Наверно, потом она ругалась. Говорила, что никогда такого не видела за тридцать пять лет педагогического стажа. Что это просто ни в какие ворота не лезет. Наверно, потом ему пришлось тащиться в учительскую и писать там объяснительную, и слушать, как возмущённая Ромашка Бегемотовна пересказывает ситуацию с неточностями и огромными преувеличениями Александру Бронепоезовичу. Судя по всему, Александр Бронепоезович позвонил папе, и папа очень быстро приехал, и сидел в кабинете Александра Бронепоезовича, и вышел оттуда мрачнее октябрьских туч. Такие вещи действительно плохо запоминаются, хотя мама сказала, что ей сложно в это поверить.

И вечером лучше не стало. Папа рассказал маме, почти не глядя на Тёму, что Тёма с самого начала урока не слушал Ромашку Бегемотовну, не хотел писать олимпиаду, а потом специально написал всё крайне неразборчиво. Что он рассердился на учительницу и кинул ей в лицо свою работу. Что Александр Бронепоезович за свои сорок лет педагогического стажа тоже никогда с таким ребёнком не сталкивался и ума не приложит, что же им делать.

Мама сказала:

– Тём, да ты просто ни о ком не думаешь! Тебе просто наплевать на нас всех. Неужели сложно провести без замечаний хоть несколько дней подряд? И чтобы нас не вызывали в школу? – она замолчала и задумалась, а потом спросила: – Слушай, я многое могу понять, но почему в лицо? Как тебе вообще пришла в голову мысль кинуть олимпиаду ей в лицо?

Тёма посмотрел на маму. Она правда была очень расстроена. Возможно, так, как никогда до этого.

В прошлом году он снял в классе штаны (трусы, конечно, остались), потому что они поспорили с Диланом, что ему слабо. Учителей в классе не было, но кто-то всё равно рассказал Ириде Армагеддоновне, и ему тоже пришлось писать объяснительную. Ромашка Бегемотовна была потрясена. За тридцать восемь лет её стажа никто не снимал штанов в классе. Но родителей это происшествие скорее насмешило.

В другой раз Тёма порвал лист бумаги на мелкие кусочки и продавал эти кусочки за монетки. Он, собственно, не собирался этого делать, просто рвал бумагу, а Миша спросил, что он делает. Тёма ответил, что вот, бумажки продаю. Это показалось всем очень смешным, и все стали покупать кусочки бумаги, просто по приколу. Это возмутило не Ромашку Бегемотовну, а Александра Бронепоезовича. Он снова вызвал папу и долго объяснял ему, что товарно-денежным отношениям не место в школе. Но папа тогда не ругался, просто сказал:

– Тём, правда, в школе не надо ничего продавать, даже в шутку. Потом обвинят не пойми в чём.

Ещё как-то он выкинул из окна рюкзак Дилана. Это была игра в «трах-бах», все сталкивали вещи друг друга с парт. Тёма скинул тетрадку Дилана, а тот – Тёмин пенал. Это было гораздо хуже, потому что пенал был открыт, и всё рассыпалось. А свой пенал Дилан сразу взял в руки. Тёме больше ничего не оставалось, кроме как выбросить его рюкзак в окно.

Да много всего было. Но получалось, что именно в этот раз он сделал что-то просто ужасное. Тёма сказал:

– Я же не специально. Я не хотел в лицо, эти листки просто так полетели.

Но родителей как-то крепко проняло. Всё время не верили Ромашке Бегемотовне и Александру Бронепоездовичу, а тут вдруг поверили. Может, дело в том, что за всё это время у них действительно накопилось. Или в чём-то другом. Тёме вдруг стало это всё до смерти неинтересно. Но ему было совершенно некуда деваться. Он сидел и слушал, как родители по очереди выговаривают ему за все проступки на свете.

– В общем, теперь они думают, не исключить ли тебя из школы, – закончила мама. – Если бы это была бесплатная школа, наверно, уже бы исключили, а так всё-таки... И им важно, что у них трое детей из одной семьи...

**Глава 3, в которой туман на пару минут сдвигается,
и за ним можно разглядеть Машину перевода часов
*Суббота, 26 октября, 12 °С,
туман, видимость – 60 метров***

На следующий день, в качестве хоть какого-то утешения, была суббота – любимый Тёмин день. По субботам Тёма вставал, когда все остальные ещё спали, завтракал и тихонько выходил из дома. Дело в том, что по субботам была керамика.

Она проходила в странном, неожиданном для занятий керамикой месте – музее гетто. Музей гетто, в свою очередь, находился в странном, неожиданном для музея месте – зданиях бывших конюшен. С одной стороны текла река, с другой – гремела трамвайная линия. Ворота были прикрыты, но не заперты – это означало, что Руслан уже пришёл, открыл свою крошечную комнатку и пошёл уже, наверно, за водой.

Тёма проходил мимо депортационного вагона, стены памяти и трёх дверей – они вели на выставки. Тёме нужна была четвёртая дверь, за которой помещалось одно из лучших мест на земле, по крайней мере, по субботам рано утром – детская творческая студия «Перспектива».

Студия «Перспектива» занимала три комнаты: одну большую – с длинным широким столом и картинами на стенах, другую поменьше – с анимационным столом и стеклянным ящиком и третью – совсем маленькую, проходную, забитую глиняными фигурками, стеллажами, столами и табуретками. В эту маленькую комнатку и приходил Тёма. Туда помещалось мало народу. Не больше четырёх человек, а лучше – трёх, иначе сразу начинался хаос. Поэтому Тёма старался приходиться как можно раньше, в самом начале, пока больше никого не было. Можно было спокойно подумать, что делать, и поговорить с Русланом. Для этого Тёма и вставал по выходным в восемь утра и ехал на трамвае через полгорода.

Хотя все спали, дома по-прежнему чувствовалась некоторая напряжённость. Тёма не захотел завтракать и даже пить чай и вышел раньше, чем обычно. На улице стоял густой туман. Туман – это очень распространённое явление. Тем более осенью. Хотя и зимой – во время оттепелей, и весной – просто так, и летом, особенно в сумерках, в Городе постоянно сгушались туманы. Но сегодняшний выделялся даже среди них. Это был прямо-таки из ряда вон выдающийся туман, король туманов. Он скрыл не только верхушки деревьев и крыши домов, но и большую часть улицы.

Тёма сел в трамвай с запотевшими окнами и поехал как будто на фоне хромакея. Иногда только из серого облака выплывала стена дома или дорожный знак, но потом начался парк, и там уж совсем ничего не осталось. Национальная библиотека, которую называют Замком света, – хотя она больше похожа на водяного дракона, который вылез погреться на берег реки, – под действием тумана стала окончательно противоположна своему названию. Она сама превратилась в глыбу тумана, причём особенно густого и непроницаемого.

За библиотекой был мост – Каменный, второй по старшинству в Городе. Сейчас на нём было видно только первую пару фонарей, и ничего больше. И вёл он никуда, этот мост, – всё исчезло, не стало ни другого берега с соборами и шпилями, ни соседних мостов – вантового и железнодорожного. Тем не менее Тёмин трамвай смело двинулся в это никуда – по рельсам.

Все пассажиры трамвая с любопытством смотрели в окна, хотя через них совершенно ничего не было видно. Они старались рассмотреть сам туман и сравнить его с привычным приморским туманом и с рекламным плакатом внутри трамвая. Плакат изображал как раз то, что должно было вот-вот начаться: установку Машины перевода часов.

В этом году Совет безопасности вселенной решил немного изменить работу некоторых Машин. В том числе – перенести Машину перевода часов из Лондона, где она собиралась последние тридцать лет, в какой-нибудь город поменьше (но не совсем уж маленький). Кроме того, этот город должен был быть в Европе, потому что Машина перевода часов должна базироваться сравнительно недалеко от нулевого меридиана. Он должен быть столичным или университетским – это связано с необходимым качеством обслуживания, а также обладать сравнительно прохладным климатом с частыми туманами. Совет безопасности провёл конкурс, и победил Город – он и правда идеально подходил под все условия.

Трамвайный плакат сообщал в немного истеричной манере:

«Одна из Машин вселенной в Городе – это большое и важное достижение! Теперь Город получает особый статус! На содержание Машины будут выделены гранты!» Дальше шло про количество новых рабочих мест, привлечение туристов и какие-то налоговые льготы – всё это было Тёме неинтересно.

Тёма, конечно, радовался, что у них будет хотя бы какая-то Машина, хотя Машина перевода часов казалась ему наименее интересной из всех. Во-первых, она работает всего два раза в год – осенью и весной. Во-вторых, перевод времени, конечно, очень мощное действие, одно из самых сложных, но его всё равно никто не видит! Для этого и нужен туман – он скрывает Машину в течение всей сборки, запуска и работы. Три дня место работы Машины окутывает туман – это с запасом. Если всё прошло хорошо, то можно вообще ничего не заметить. Это

довольно сильно отличается, например, от Машины стабилизации катастроф – её всегда видно. И слышно.

Некоторые жители Города не одобряли даже Машину перевода часов. Они говорили, что её установка, а тем более сборка два раза в год, – это опасно. Кто знает, что может случиться? Пусть лучше все эти Машины стоят где-нибудь в других местах. Машина стабилизации катастроф, должно быть, вызвала бы у них сердечный приступ. Другие жители Города считали, что вообще уже пора перестать переводить часы – это вредно психологически, а польза не доказана. Но и тех и других было сравнительно немного, сторонники установки победили с огромным преимуществом, и теперь Город готовился к первому запуску. И вот, наконец, наступила суббота – последняя суббота октября, день перевода часов.

Тёма часто задерживался на керамике, а сегодня тем более не торопился домой. Он делал паровоз. Пришла Лиза – барабан с косичкой, очень болтливая. Она собиралась делать на гончарном круге вазу. А пока разминала глину для неё, без перерыва трещала, что у них там происходит в школе. Руслан слушал с интересом, а Тёма мрачно обтачивал колёса для паровоза и всем своим видом показывал, что жутко страдает, слушая этот бред. Но не уходил.

Потом пришли близнецы Микс и Густавс – кабачок и баклажан. Тёма никак не мог запомнить ни кто из них Микс, а кто Густавс, ни кто из них кабачок, а кто баклажан. Они были очень похожи – и внешне, и по характеру. Совсем не так, как Таня и Нина. С Тёминой точки зрения, у Тани и Нины вообще не было ничего общего, и когда кто-то говорил, что они похожи, Тёма сердился.

В полпервого пришли Раиса и Василиса, и стало совсем тесно. Руслан ничего не сказал, но Тёма понял, что ему пора. Он долго отмывал руки в ведре, долго искал деньги, чтобы заплатить за занятие, долго надевал куртку. Но потом всё-таки вышел на улицу, в туман.

К трамвайной остановке Тёма обычно шёл через Центральный рынок – мимо гор разноцветных фруктов и овощей, мимо рыбы на льду, лепёшек из тандыра, прилавков со специями, ларька с янтарём и постоянного ремонта. На рынке он покупал себе что-нибудь поесть, а потом выходил на улицу и ждал трамвая.

Центральный рынок в Городе построен из старых ангаров для дирижаблей. Под них подведён фундамент, но это самые настоящие ангара для самых настоящих дирижаблей времён Первой мировой войны. Поэтому Тёма обожал Центральный рынок – за эту связь с дирижаблями.

Так вот, с одной стороны от трамвайной остановки находился Центральный рынок – пять полукруглых построек, четыре в ряд и одна сбоку. С другой – канал с висящими над ним чайками, за каналом – автовокзал и междугородние автобусы, над автовокзалом железнодорожный мост и насыпь, а там – электричка или товарный поезд. Прямо под остановкой располагались входы в подземную часть рынка – склады и другие загадочные подсобные помещения. Получалось место из многих слоёв, немного тревожное, особенно в тумане, – хотя по сравнению с утром он сильно посветлел и поредел.

Летом рядом с остановкой часто спали пьяные, но в этот раз их не было, в октябре уже не сезон. Две продавщицы громко обсуждали тайную жизнь деревьев – как они соприкасаются корнями и общаются. Хлебница рассказывала своей подруге сойке историю из жизни, как автобус из Тарту внезапно поехал через Ропажу. Как это можно себе представить – через Ропажу? Зато потом, когда поехали прямо мимо её дома, она сразу сказала водителю, чтобы выпустил её. Тут моя родная земля, так сказала она водителю. Рядом с ними красавица предлагала телефонному собеседнику шестое ноября, потому что все отказались. Пожилой чайник кормил хлебом чаек и разговаривал с ними по-немецки. Бывший дальнбойщик в капюшоне ходил туда и обратно. Позже, когда все зашли в трамвай, он снял капюшон – и стало видно огромный красно-фиолетовый синяк у него на лбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.